

ПЕРСОНОСФЕРА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.П. Гекман

Традиционная культура, по определению Э. Тайлора, представляет собой сложную открытую систему, центр которой составляют верования, обычаи, ритуалы и пр. носителей этой культуры. Эту точку зрения разделяют Р. Бенедикт, Ю.М. Лотман, С.В. Лурье и др., называя отмеченные Э.Тайлором элементы традиционной культуры ее сакральным ядром. Понятие «сакральное ядро культуры» или ее «центральная зона» прочно вошло в современную культурологию и породило ряд новых, принципиальных для науки, понятий, главным из которых для нас будет термин «персоносфера».

Исходя из факта не только антропоцентричности, но персоноцентричности культуры, мы утверждаем, что сакральное ядро как совокупность обычаев, верований и пр. этноса возможно постольку, поскольку оно включает в себя сакральный персонаж / сакральных персонажей, задающих парадигму элементов культуры, которая воспроизводится, транслируется и сохраняется традицией. Соответственно, сакральное ядро культуры является таковым, если его центром становится божество/божества, почитаемое носителями традиции как несомненная ценность. Отсюда вся система культуры, сложившаяся вокруг центральной фигуры божественного пантеона, обладает качеством идентификации этноса.

В современной гуманитарной науке существует всего одно авторское определение понятия «персоносфера», предложенное Г. Хазагеровым: «...сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей» [9, с. 134]. Исследователь выводит определенные понятия из ряда работ Д.С. Лихачева, где последний рассуждает о феноменах гомосферы и культуросферы [5, с. 16, 204-205]. Логика рассуждений Д.С. Лихачева сводится к тому, что человек, создавая среду обитания, не ограничивается деятельностью, удовлетворяющей витальные потребности, но создает и духовные ценности, которые в области словесного творчества формируют специфический феномен: автономизировавшиеся от создателя персонажи обретают новое существование в бесчисленном множестве вариантов. Сущность нюансирования пер-

сонажа, наделенного автором рядом характеристик и личностных свойств, зависит от уровня развития, эмоционального типа и пр. воспринимающего субъекта. Так в области культуры возникает феномен «расширяющейся вселенной» [5, с. 205].

Традиционная культура в силу своей специфики сдерживает процесс «расширения вселенной», довольствуясь необходимым минимумом персоналий, бытующих в изустном творчестве этноса. Защитный пояс культуры не позволяет деформировать сакральное ядро, но это не означает, что традиционная культура, воспроизводя упомянутый выше необходимый минимум ценностей, оказывается примитивно однообразной. Сохраняя инвариант персоналий, составляющих центральную зону культуры, традиция обеспечивает бесконечное множество вариантов его оформления.

Из перечня составляющих, представленных в определении Г. Хазагера, для персоносферы традиционной культуры актуальны религиозные, фольклорные и исторические персонажи с безусловным приоритетом первых.

Несомненность факта формирования этнической персоносферы как этнокультурозоидирующего феномена подтверждают исследования как по истории культуры архаических цивилизаций [1, 7], так и работы по истории этнических традиционных культур [8, 10 и др.]. Одним из основных этапов процесса формирования является номинация божественных персоналий. В рамках научной парадигмы языковой игры и семиотического направления в культурологии исходным становится констатация универсальности закона поименования всего, что существует. Так, Л. Витгенштейн пишет: «...мы воспитаны, натренированы так, чтобы спрашивать: «Как это называется? – после чего следует название» [2, с. 92]. По Б.М. Гаспарову, номинация актуализирует языковую память «по каналам реминисценций или ассоциаций» [3, с. 74].

В семиотической парадигме общим для исследователей является тезис о том, что номинация в области мифологического имеет особые свойства. Так, Ю.М. Лотман пишет: «В... мифологическом мире имеет место дос-

таточно специфический тип семиозиса, который сводится к процессу номинации» [6, с. 60].

Поименованность членов божественных пантеонов, сведения о их функциональных «плюсе» или «минусе», изображение сложных и всегда агональных взаимоотношений – это и есть персоносфера традиционной культуры, составляющая ее сакральное ядро, определяющее характер всех элементов и воспроизводящаяся с помощью защитного пояса культуры, т.е. традиции.

Закономерности формирования персоносферы традиционных культур народов Сибири мы определим путем сравнительного анализа фрагментов космогонических мифов и текстов, прецедентных для исследуемых этносов. В результате анализа выяснилось, что наиболее архаичными для народов Сибири божественными персонажами являются женские (Ак Эне, Манзан-Гурмэ и др.), восходящие к еще более древним представлениям о тотемах – водоплавающих птицах. В мифопоэтике женские божества, оставаясь аксиологической доминантой, формально уступают главное место мужским персоналиям (Юрюнг-Аар-Тойон, Ульгень, Эсэгэ-Малан-Тенгри и др.), которые становятся основателями теогонических генеалогий. Оформленные пантеоны (боги верхнего и нижнего мира старшего, среднего и младшего поколений сохраняют архетипические признаки старца, матери (женщины), божественного младенца и трикстера [4]. Специфической особенностью персоносферы традиционных культур народов Сибири является «замещение» демиурга одним из младших богов пантеона. Именно ему принадлежит роль устроителя среднего мира и транслятора ценностей, полученных от прародительницы. Такой тип сюжетного оформления «перераспределения фигур» – персоналий, как мы считаем, раскрывает, символически формирует культурную тему (термин М. Оплера) этноса: цикличность бытия – универсальный закон, и факт «замещения фигур» пантеона означает для людей следующее: боги персоносферы традиционной культуры разработали единственно возможную и верную модель вселенной и особенностей ее существования. Эта информация хранится традицией и озвучивается сказителем в наиболее опасные для человека периоды цикла: ночь, зима как синонимы смерти. Регулярная актуализация сакральной истории этноса стабилизирует «информационный коридор» (М.М. Бахтин) не только между носителем традиции и укрепляет миро-

воззренческие основы поколений, но и восстанавливает его между вечной сферой богов и областью бытования людей, чье благополучие зависит от степени точности следования норме, заданной персоносферой культуры.

Таким образом:

1. Персоносфера традиционной культуры – это персонифицированные и поименованные божества этнических пантеонов и божественные природные объекты, маркирующие все области этнической вселенной.
2. Персоносфера традиционной культуры формируется стадийно: от зооморфного персонажа, зафиксированного фрагментами космогонических мифов, до антропоморфного, наделенного функциями (со знаком «плюс» или «минус»), становится центром генеалогического древа богов-пантеонов.
3. Персоносфера традиционной культуры является основой сакрального ядра культуры и, соответственно, определяет характер ее элементов: верований, культов, обычаев и пр.
4. Одной из наиболее фундаментальных функций персоносферы традиционных культур народов Сибири является символическое раскрытие культурной темы этноса как темы универсальной цикличности бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 494 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
3. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
4. Гекман Л.П. Мифопоэтика народов Сибири: персоносфера и модель мира. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 296 с.
5. Лихачев А.С. Русская культура: М.: Искусство, 2000. – 439 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
7. Малявин В.В. Древнекитайская цивилизация. – М.: Дизайн, 2003. – 628 с.
8. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1992. – 175 с.
9. Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. – 2002. – № 1. – С. 133-145.
10. Эргис Г.У. Очерки по якутскому шаманизму. – М.: Наука, 1974. – 401 с.